

Литвинова Валентина Александровна

ПРАГМАТИКА ИСКРЕННИХ ИЗВИНЕНИЙ В АНГЛИЙСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается коммуникативно-прагматический контекст речевого акта извинения, причиной обращения к которому является осознание нарушения морально-этических норм, конвенций искренности и честности. Объектом анализа становится мотивационный аспект искреннего извинения и вариативность его вербализации в английской коммуникативной культуре.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. II. С. 124-127. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'271

Филологические науки

В статье рассматривается коммуникативно-прагматический контекст речевого акта извинения, причиной обращения к которому является осознание нарушения морально-этических норм, конвенций искренности и честности. Объектом анализа становится мотивационный аспект искреннего извинения и вариативность его вербализации в английской коммуникативной культуре.

Ключевые слова и фразы: вежливость; искреннее извинение; прагматика; признание вины; речевой акт; эмоции; этикет.

Литвинова Валентина Александровна

Волгоградский государственный университет

val-litvinova@yandex.ru

**ПРАГМАТИКА ИСКРЕННИХ ИЗВИНЕНИЙ
В АНГЛИЙСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ[©]**

Речевой акт «извинение» полипрагматичен и чрезвычайно востребован в англоязычной коммуникации, поскольку к нему обращаются по различным причинам и с разными мотивами, но в целом извинение является сигналом осознания нарушения конвенциональных норм вежливого поведения и желания восстановить баланс межличностных отношений, оно инициирует этикетный диалог, содержание которого и стереотипно, и обусловлено ситуативным контекстом общения.

Коммуникативная модель извинения включает двух участников, один из которых (адресант) осознает, что своими действиями (вербальными или невербальными) наносит ущерб второму лицу, признает себя виноватым и с помощью речевого акта извинения просит снять с него вину. В соответствии с этикетными ожиданиями второе лицо (адресат) распознает интенцию адресанта и в идеале должен отреагировать в вербальной форме и принять извинение [6].

Проведенный анализ 250 ситуаций, отобранных методом сплошной выборки из четырех произведений современных английских писателей с целью изучения вопроса о вариативности интенций обращения к речевому акту извинения в английской лингвокультуре и особенностях организации диалогической составляющей этикетной ситуации «извинение», позволил установить, что извинения можно классифицировать в соответствии со степенью ущерба и тем, какие конверсационные (диалоговые) обязательства они порождают: извинения за незначительные отклонения от конвенций вежливого поведения, исключая специфическую реакцию, и извинения с обязательной ответной репликой; последние, в свою очередь, делятся на две разновидности – извинения, требующие конвенциональной или дифференцированной реакции и различающиеся по сценарным планам диалогов.

Извинения, инициируемые несоблюдением коммуникативных постулатов вежливости и речевого этикета, относятся к разновидности метакоммуникативных, в таких случаях обратная вербальная реакция не предполагается. Конвенциональными в проводимом исследовании называются извинения, которые с помощью формальных этикетных формул речи сигнализируют о нарушениях общих правил поведения и норм вежливости; при их произнесении возможна ответная реакция (в вербальной или невербальной форме), но в англоязычной коммуникации она не считается обязательной. Дифференцированной вербальной реакции требуют извинения по существу (в терминах Р. Ратмайр «искренние извинения», которые предполагают извинения по более серьезным поводам [7, с. 116]). Описанию лингвопрагматических и коммуникативно-контекстуальных особенностей искренних извинений в английской коммуникативной культуре посвящена данная статья.

В основе коммуникативной модели искреннего извинения, по мнению Р. Ратмайр [Там же, с. 211], лежит интеракция, обусловленная потребностью первого коммуниканта в признании своих ошибок, что активизирует коммуникативное поведение по формуле «покаяние», от второго участника ситуации ожидается коммуникативное поведение по формуле «прощение». Поддерживая указанное положение, отметим, что в англоязычном речевом этикете самым частотным сигналом речевого акта «искреннего извинения» становится этикетная фраза «*I am sorry*», которая нацелена на восстановление межличностных отношений. Причиной обращения к извинению данного типа является осознание отступлений от морально-этических норм, конвенций искренности и честности, что сопровождается демонстрацией эмоций вины и / или раскаяния [8]. В гуманитарной науке общепризнано, что эмоции являются частью интеллекта человека, они являются основным мотивом, побуждающим человека к любым действиям (см. работы [1; 3; 4; 5; 9]). В. К. Вилюнас полагает, что эмоции – это «особое переживание субъектом отдельных отражаемых объектов, придающее им целевую характеристику и побуждающее субъекта к решению на уровне образа задачи о способе их достижения, а в конечном счете – к целенаправленной внешней деятельности» [1, с. 24]. К. Изард рассматривает их как функцию разума и настаивает на том, что эмоции детерминируют мысли [4, с. 247]. При этом отмечается, что эмоции являются довербальным компонентом когниции, предшествуют когнитивным процессам и

«сопровожают» их [9, с. 44]. Многие исследователи считают, что эмоциональный компонент является одной из составляющих коммуникативного намерения говорящего, что «эмоциями пронизана вся жизнедеятельность человека, им принадлежит мотивирующая роль в поведении человека» [5, с. 9].

Поведение адресанта в этикетной ситуации «искреннее извинение» определяется ситуативным контекстом, прагматическими установками и неизменно сопровождается переживанием эмоций. Здесь полностью сохраняется прагматика просьбы о прощении – осознание факта причинения морально-нравственных страданий и желание восстановления отношений. Произносящий искреннее извинение ощущает, что его партнер рассержен, обижен или, по крайней мере, у него есть повод опасаться этого, и он просит его простить (т.е. преодолеть свои отрицательные эмоции и не осуждать за проступок, освободить от ощущения вины [7, с. 179]). Так, в следующей ситуации чувство вины за свое поведение сопровождается эмоциональным описанием личных проблем адресанта, которое следует рассматривать как оправдание: *Jenny squeezed her hand. «Poor Alice. I'm sorry to have been so silly. I get in such a stupid fuss nowadays. If Ned is just ten minutes late coming home, I start to imagine disaster. He gets quite cross with me»* [10, p. 22]. / *Дженни сжала ее руку. «Бедняжка Элис. Извини за сегодняшнюю нелепую суету и мое глупое поведение. Я сразу начинаю представлять себе самое худшее, если Нэд приходит домой на 10 минут позже. Он всегда за это на меня сердится».* (Здесь и далее перевод автора – В. Л.) Речевой акт «искреннее извинение» дополняется невербальной демонстрацией эмоций (тактильное действие *squeeze one's hand* (сжать руку), возможно, с целью, обозначив факт осознания вины, удержать дистанцию интимно-личностных отношений, которая представляет наибольшую значимость, так как именно она максимально охраняется человеком [2]), актом самокритики (вербального самоуничижения в форме инфинитивного оборота с интенсификатором оценки *to have been so silly* (вести себя слишком глупо)), констатацией пребывания в некомфортном эмоциональном состоянии по вине другого человека (*I get in such a stupid fuss nowadays* (Сегодня была такая бестолковая суета) / *He gets quite cross with me* (Он сердится на меня)).

Искренние извинения требуют особых коммуникативно-речевых усилий – одного акта извинения будет в этом случае недостаточно. Они часто сопровождаются речевыми актами признания вины, оправдания. Как отмечалось выше, мотивом обращения к речевому акту искреннего извинения является просьба о прощении, адресант, осознав тот факт, что вторая сторона рассержена или обижена, просит адресата больше не испытывать отрицательные эмоции. В коммуникативной ситуации искреннего извинения для реализации указанных выше интенций используются варьируемые речевые акты, набор, порядок следования и языковое наполнение которых зависит от социокультурных, этнокультурных конвенций и личных привычек общения.

В искренних извинениях на английском языке наблюдается удлинение речевой партии, поскольку говорящий может несколько раз повторить просьбу о прощении, дает пояснения о причинах нарушения конвенций, с помощью интенсификаторов и эмоционально окрашенной лексики подчеркивает глубину своего переживания. Например, в следующей ситуации адресант прибегает к речевому акту «извинение» и дает развернутое объяснение причин своего поведения, сигнализируя адресату, что он полностью раскаивается в своем проступке и желает восстановить с ним гармоничное общение: *«I felt sick when I realized I hadn't phoned you.» Tessa said, over Parminder's furious attempts to quell her own sobs. «I wanted to curl up and die. I mean to call,» she lied, «but we hadn't slept, we spent almost the whole night at the hospital, then we had to go straight out to work. Colin broke down at assembly when he announced it, then he caused a bloody awful scene with Krystal Weedon in front of everyone. And then Stuart decided play truant. And Mary's falling apart... but I'm so sorry, Minda, I should've called»* [13, p. 126]. / *«Я чувствовала себя ужасно, когда поняла, что не позвонила Вам», – сказала Тесса в ответ на отчаянные попытки Парминдер успокоить ее. «Я хотела лечь и умереть. Потому что не позвонила», – соврала она. «Но мы не спали, почти всю ночь мы провели в больнице, затем нам сразу же оттуда пришлось идти на работу. Колин открыл собрание, на котором объявил об этом, затем случилась эта ужасная сцена с Кристал Видон... но, Минда, я действительно сожалею, мне следовало бы позвонить».* В данном примере сценарий этикетной ситуации «искреннее извинение» начинается с описания чувства вины с помощью номинаций физического состояния (*feel sick* (чувствовать себя ужасно); *want to curl up and die* (хотеть умереть)), продолжается длинным разъяснением причины – перечисление действий и шагов окружающих, не позволивших Тессе совершить требуемый поступок (*phone, call* (позвонить)), завершается произнесением просьбы о прощении. Кроме указанных лингвистических знаков признания вины, в речевой акт извинения включаются прямые указания на эмотивность – интенсификаторы *really, so awfully, frightfully sorry* (действительно сочувствовать / сожалеть), которые вербально передают интенцию адресанта на выражение сочувствия или получение прощения: *«Bridie, duckie, I don't know what to say! It seems so awful to do this to you. So cruel, and, you know, really horrible. I really am so awfully, frightfully sorry. I mean, if Dickie did this to me, I really think I'd want to die»* [11, p. 36]. / *«Бриди, дорогая, я не знаю, что сказать! Мне кажется, что это было слишком жестоко по отношению к тебе. Чересчур подло и действительно ужасно. Я искренне тебе сочувствую. Если бы Дики поступил также со мной, мне кажется, я бы сразу умерла».*

Наблюдения за приемами выражения искреннего признания вины и просьбы о прощении позволили установить, что, в отличие от формальных и метакоммуникативных извинений, в искренних извинениях полностью сохраняется прагматика просьбы о прощении. Ее сигналами являются эмотивные речевые акты признания вины, самокритики, самоуничижения, раскаяния, которые могут повторяться и интенсифицироваться дополнительными маркерами, что в целом удлиняет речевую партию извиняющегося. Ответная реакция в таком случае также конвенциональна, но она не сводится к стереотипу формального этикета и предполагает

активизацию сценария прощения – в некоторых случаях это может быть однозначное согласие или прощение, которое произносится лишь после нескольких повторений речевых цепочек просьбы о прощении. Так, в следующей ситуации адресант приносит свои извинения за то, что напомнил матери (адресату) о смерти сына, нарушив тем самым постулат невмешательства в личную жизнь и конвенцию «не говорить с малознакомыми людьми на неприятные темы», и получает прощение:

„I saw him,“ I told her. „Or at least, I thought I did...“

„We all were,“ said Marlene. „But there was no Pinchbeck on any of the School records, or in the photo files, or even on the lists of applicants. Anyway, by then, it was all over. No one was interested. My son was dead. We had a school to run.“

„I’m sorry,“ I said.

„It wasn’t your fault... Besides... being sorry won’t bring Leon back, will it? [12, p. 416]. / «Я видел его», – сказал я ей. «Или, по крайней мере, думал, что видел...»

«Мы все были», – сказала Марлен. «Но Пинчбека не было ни в одном из школьных отчетов, на фото или в списках претендентов. Так или иначе, к тому времени все было кончено. Никому не было интересно. Мой сын был мертв. Школа продолжает работать.»

«Извините», – сказал я.

«Это не твоя вина... Кроме того... извинением не вернуть назад Леона, не так ли?»

Прагматику речевой партии прощения в данном примере можно представить как пересечение следующих смыслов: косвенное прощение адресанта извинения, мотивированное снятием с него ответственности за событие, разговор о котором вызвал моральное страдание адресата. Представляется очевидным, что мать не прощает общество за равнодушие к факту смерти ее сына, но использует конвенцию ответной реакции «прощение», характерную для сценария коммуникативной ситуации «искреннее извинение» в случае прямого выражения чувства вины. Отметим, что вопрос о вариативности реакции в интеракциях с инициацией «просьба о прощении» требует отдельного изучения. К данному моменту нам удалось установить, что в сценарии изучаемой разновидности коммуникативной ситуации на материале английского языка реакцией на просьбу о прощении за нарушенные конвенции, ухудшившие межличностные отношения между участниками, наряду с высказываниями с прагматикой принятия извинения в вербальной и / или паравербальной форме (кивок, тактильный жест, неагрессивное молчание), возможны иные способы речевого поведения, в частности, задержка ответа, поучение, отклонение просьбы о прощении и контробвинение, в дальнейшем осложняющие межличностную коммуникацию.

Подводя итог, отметим, что прагматика искренних извинений основана на осознании более или менее серьезных вторжений в границы личной сферы адресата, в первую очередь духовной (причина), и намерении восстановить отношения с партнером, ухудшившиеся в связи с некоторым неблагоприятным событием (цель). В области межличностной коммуникации к ним относятся нарушения личных договоренностей, обман, тяжкие оскорбления и другие виды невежливого и незтичного поведения, отрицательно воздействующие на отношения людей. Конвенциональность речевого поведения в коммуникативной ситуации истинного извинения складывается из вариативного сочетания речевых актов с прагматикой просьбы о прощении, самокритики (самоуничтожения), признания вины, выражения раскаяния, сочувствия, разъяснения причин отклонения от конвенций и норм межличностной дистанции при общении (напр., *I am sorry (Извини / Извините) / I blame myself (Я виню себя) / Forgive me (Прости / Простите меня) / Excuse me (Прости / Простите) / I’m a terrible person (Я ужасный человек) / I feel sick (Я чувствую себя ужасно) / I disgust myself (Мне отвратительно)*), а также разнообразных форм речевых актов прощения. Все указанные разновидности речевого поведения предполагают присутствие вербальных и паравербальных знаков эмоционального переживания просящего о прощении.

Список литературы

1. Вилюнас В. К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций: тексты. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 3-28.
2. Волкова Я. А. Пространственное поведение коммуникантов в деструктивном общении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26). Ч. 1. С. 46-50.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психика, сознание, бессознательное: собр. трудов. М.: Лабиринт, 2001. 367 с.
4. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с.
5. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2002. 752 с.
6. Литвинова В. А. Специфика конвенциональности извинения в английской коммуникативной культуре [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. Красноярск, 2013. № 5 (25). URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/5201347> (дата обращения: 15.09.2013).
7. Ратмайр Р. Прагматика извинения: сравнительное извинение на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
8. Толкачева Т. И. Экология общения в коммуникативной ситуации «Признание вины» // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. / науч. ред. В. И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 394-401.
9. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
10. Bawden N. Circles of Deceit. London: Virago Modern Classics, 1997. 216 p.
11. Bawden N. Familiar Passions. London: Virago Modern Classics, 2006. 158 p.
12. Harris J. Gentlemen and Players. Black Swan, 2006. 507 p.
13. Rowling J. K. The Casual Vacancy. The Little. Brown Book Group, 2012. 503 p.

PRAGMATICS OF SINCERE APOLOGIES IN ENGLISH COMMUNICATIVE CULTURE

Litvinova Valentina Aleksandrovna

Volgograd State University

val-litvinova@yandex.ru

The article considers the communicative and pragmatic context of apologetic speech act, the reason to refer to which is to understand the deviations from moral and ethical norms, conventions of sincerity and honesty. The motivational aspect of the sincere apology and variability of its verbalization in the English communicative culture becomes the object of analysis.

Key words and phrases: politeness; sincere apology; pragmatics; admission of guilt; speech act; emotions; etiquette.

УДК 802/ 809

Филологические науки

В данном исследовании мы будем рассматривать язык как фундамент процесса социализации. Предполагается, что люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают мир и по-разному мыслят. Лингвистика позволяет установить определенную связь между языком и ментальностью народа, потому что именно слова создают образ мышления каждого человека как носителя языка. Представленная статья посвящена исследованию понятия гордости в славянской языковой группе. Актуальность статьи обосновывается необходимостью глубокого осмысления гордости как поливариантной категории.

Ключевые слова и фразы: гордость; корреляты; высокомерие; мужество; патриотизм; честолюбие; лексика; язык.

Логунова Елена Германовна, к. филос. н.

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашикова

gerrusskih@gmail.com

ЛИНГВО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОСНОВАНИЙ ГОРДОСТИ[©]

Язык как сущностная сила человека оказывается соразмерным бесконечному миру и потому способным в тесном единстве языкомышления адекватно отражать бесконечный мир и схватывать его сущностные свойства [1, с. 159]. В этой связи можно упомянуть гипотезу Сепира – Уорфа, согласно которой структура языка определяет мышление и способ познания реальности.

Представляется интересным рассмотреть понятие гордости на конкретном языковом материале, исследовать лексику как средство выражения «гордости» и развитие данного концепта по данным историко-этимологических и толковых словарей.

В русском языке по отношению к термину «гордость» существуют различные корреляты. Русское слово гордость произошло от общеславянского – *gъrdь*, древнерусского – *gъrdь*, *gъrdь*, старославянского – *gъrdь*, *gъrdь* [12, с. 440]. Слово присутствует в древнерусском с XI в. в значении «гордый», «важный», а также с другими значениями (дивный, строгий, страшный). Существительное «гордец» известно с XVIII в. Слово восходит к общеславянскому корню *gъrdь*, который предположительно имел значение «разборчивый», «придирчивый», «привередливый». Отсюда возникло близкое современному значение «высокомерный», «гордый», что приводит к индоевропейскому корню *ghreu-* от *gher* – «тереть», «изнурять». Родственными словами являются: украинское – *gordii*, болгарское – *gorđa*. Согласно русской религиозной философии, гордость – это самоутверждение самости, противопоставление себя Богу и миру. Лишь в подлинном смирении духа возможна победа над гордостью. Западная философская традиция наделяет дефиницию гордости нравственно-положительным смыслом, понимая ее как чувство самоуважения, самодостаточности и творческого дерзновения. Православная религиозная традиция относится к таким рассуждениям с недоверием. Это один из важных пунктов расхождения взглядов на духовность Востока и Запада, связанного с разным пониманием природы человека.

Согласно словарям, гордость – это чувство, возникающее от осознания значимости своих достижений и заслуг. Однако следует отличать чувство собственного достоинства от высокомерия, которое основывается на приписывании себе способностей, которыми в реальности индивид не обладает. Необходимо отметить, что гордость за собственные достижения – это важное качество нормального человека. Именно чувство собственного достоинства является тем, что не позволяет человеку совершать антисоциальные поступки.

В болгарском языке противоречивость феномена гордости представлена следующими словами: *гордост*, *арогантност*, *смелост*, *амбиция*, *патриотизъм*.

Болгарское слово *гордост* означает «гордый, высокомерный». Например, *гордост на семейството* (гордость семьи) [2, с. 95]. Болгарское слово *арогантност* означает «высокомерный, надменный, чванливый». Например, *арогантен отговор* (дерзкий ответ) [Там же, с. 21]. Болгарское слово *смелост* означает «мужественный, гордый». Например, *легендарна смелост* (легендарная смелость) [Там же, с. 292]. Слово амбиция